

На следующий день вспомогательный куратор приехал в колледж ни свет ни заря. Забрав Годзё Сатору и Сугуру Гето, он повёз их в Сендай.

— Сугуру, а ты сегодня прямо светишься. С самого утра улыбка с лица не сходит, — поддразнил Сатору.

Примостившись на сиденье рядом с лучшим другом, он уплетал булочки с бобовой пастой из лавки «Нанацудзи-я», которые вчера принёс Акихара.

Все прошло в точности так, как обещал Акихара. Вчера, проглотив ту странную конфету, Сугуру заснул глубоким, безмятежным сном. Тёплые, приятные грёзы, напоённые мягкой неведомой силой, разогнали мрачные тени, что так долго терзали его душу.

Гето подпёр подбородок ладонью и задумчиво уставился в окно. Уголки его губ и впрямь то и дело приподнимались в едва заметной улыбке.

— Да так, — отозвался он. — Просто сон хороший приснился.

Как и подобает подросткам в самый разгар пубертата, Сатору, глядя на это блаженное выражение лица, мгновенно заподозрил неладное.

— Неужто сон влажный приснился? — без обиняков брякнул он.

Ну а что ещё, спрашивается, могло заставить обычно сдержанного Сугуру Гето так сладостно щуриться?

В Японии к подобным темам относились вполне обыденно, да и школьная программа полового воспитания не оставляла места для ложной скромности. Сатору спросил об этом с самым будничным видом. Заметив, как натянулась и мгновенно застыла улыбка друга, он протяжно и многозначительно хмыкнул:

— О-о-о... Угадал, что ли? Сугуру, колись, ты в кого-то втрескался?

Гето лишь безмолвно приоткрыл рот, не зная, что ответить на этот напор. Но Сатору, окончательно уверовавший в свою проницательность, уже вовсю принялся перебирать кандидатуры, загибая пальцы.

— Так, давай подумаем, — затараторил Сатору, его глаза под тёмными очками так и блестели от любопытства. — Девчонок, что признавались тебе в средней школе, ты благополучно отшил. Значит, бывшие одноклассники отпадают. На весенних каникулах ты почти всё время торчал

дома, на влюблённого похож не был — тоже мимо. А раз пикантные сны начались только после поступления в колледж... Получается, это кто-то из наших? Может, старшие? Мэй Мэй-сэмпай? Утахиме? Или... Сёко?

Сатору ненадолго задумался, наморщив лоб. Сёко? Не, вряд ли, между этими двумя искры точно не летали. Значит, Сёко вычёркиваем. Остаются Мэй Мэй и Утахиме.

— Хм, Мэй-сэмпай или всё-таки Утахиме...

Не дав другу озвучить окончательный вердикт, Сугуру прервал его поток мыслей самым серьёзным тоном, на какой только был способен:

— Мимо, Сатору. Никто мне не нравится. Кончай плодить свои глупые фантазии, ни одна из них даже близко не угадала.

Чтобы унять внезапно забурлившие в голове мысли, Гето поспешил сменить тему и выложил историю про конфету, которую вчера подарил ему Акихара. Вообще-то он не собирался посвящать Сатору в подробности того, как именно он поглощает проклятые сферы, но сейчас это казалось единственным спасением от назойливых расспросов. Разумеется, делаясь этим, Сугуру намеренно преуменьшил те муки, что годами испытывал при каждом поглощении проклятий.

Сатору умолк. Он долго всматривался в лицо друга сквозь стёкла круглых очков, а затем несильно ударил его кулаком в плечо.

— Ну и придурок же ты, Сугуру, — негромко бросил он. — Раз эти проклятые сферы такая дрянь на вкус, чего молчал? До тебя ведь тоже были маги-дзюцуси с манипуляцией проклятыми духами. Сказал бы мне — я бы поискал решение. В библиотеке клана Годзё полно древних манускриптов, наверняка там что-то да было...

Да даже если бы сам Сатору ничего не нашёл, он мог бы потрясти брата. Акихара уж точно что-нибудь бы придумал.

Сугуру давился этой мерзостью целых десять лет. И пускай сейчас он пытался преподнести свои страдания как нечто несущественное, Сатору дураком не был. Он прекрасно понимал, какой ад должен испытывать человек, чьи вкусовые рецепторы раз за разом подвергаются подобному насилию на протяжении стольких лет.

Гето мягко улыбнулся. Эта неуклюжая, ершистая забота лучшего друга грела душу.

— Всё нормально. Конфеты Акихары-сан сотворили чудо, мне действительно стало гораздо легче, — успокаивающе произнёс он, а затем, решив немного разрядить обстановку, лукаво сощурился: — Сатору, ты что, винишь себя? Жалеешь, что не замечал этого раньше?

Сатору мгновенно взвился, вздёрнув брови и упрямо кривя рот.

— Да сдалось мне себя винить! — загорланил он на весь салон. — Сам виноват, дурья твоя башка, раз молчал как партизан! И не думал я сокрушаться, больно надо!

В детстве Сатору выражал свои чувства куда искреннее, но с годами, ведомый подростковым упрямством и духом противоречия, стал до нелепого скрытен. Стоило кому-то прямо спросить его: «Ты что, волнуешься за меня?», как он тут же выпускал иголки. Сугуру слишком хорошо знал эту черту характера друга, а потому лишь тихонько посмеивался.

Поорав немного, Сатору, видимо, сообразил, что его банально поймали на слабо. Он сощурился, скрестил руки на груди и сверлил Сугуру недовольным взглядом добрую минуту. Наконец, высокомерно фыркнул и отвернулся к окну:

— Ой, всё. Разговаривать с тобой не хочу.

Дорога от Токио до Сендая на скоростном поезде заняла бы от силы пару часов. Однако парням нужно было сделать крюк и заехать в одно весьма специфическое место — глухую деревушку, где бесследно исчез первый отправленный на это задание маг-дзюкуси. Обследование территории входило в их обязательную программу, а потому ехать пришлось на машине в сопровождении вспомогательного куратора.

Их сопровождал вспомогательный куратор по фамилии Ацуда. Парни пересекались с ним уже несколько раз и общались вполне непринуждённо.

— Деревня впереди называется Кюин, — заговорил Ацуда, плавно сбавляя скорость перед поворотом. — Места там бедные, глухие. Нравы у жителей диковатые, а к чужакам они относятся крайне враждебно. По прибытии, пожалуйста, держитесь строго за мной. Мне уже доводилось общаться со старостой, так что ко мне они относятся чуточку терпимее.

Маги-дзюкуси, разумеется, внимательно изучили отчёт, но в тонкости деревенского менталитета вникать не стали, предпочтя положиться на опыт куратора.

— Без проблем, — кивнул Сугуру.

— Ла-а-адно, — протянул Сатору.

Стоило им выйти из машины и пойти следом за Ацудой, как пространство вокруг словно ощетинилось. Из каждого тёмного угла, из-за покосившихся заборов и полуприкрытых ставней на них уставились десятки недобрых глаз. Деревня действительно выглядела убогой и запущенной, а витавшая в воздухе атмосфера враждебности буквально физически давила на

плечи.

Сатору шёл с самым скучающим видом. Злобные взгляды местных жителей, казалось, его совершенно не задевали. Однако, едва шевеля губами, он негромко обронил:

— Тут творится какая-то хрень, Сугуру.

Как только они пересекли невидимую границу поселения, обострённые чувства Годзё забили тревогу. Под землёй и на склонах тянувшейся за домами горы пульсировало нечто чуждое. Эта странная энергия напоминала вязкую, раскалённую лаву, но рассмотреть её детальнее мешала какая-то завеса. Даже великие Шесть глаз не могли пробиться сквозь эту преграду на расстоянии — нужно было подойти вплотную к источнику.

Сугуру незаметно высвободил из рукава несколько слабых проклятых духов, отправив их на разведку в качестве живых камер.

— Да, я тоже это чувствую, — тихо отозвался он.

— Возмущения идут из-под земли и с холма, — так же тихо продолжил Сатору. — Но Шесть глаз подсказывают, что основной очаг скрыт в лесу на заднем склоне. Давай так: ты остаёшься с Ацудой и боишься его, а я прошвырнусь на разведку в гору.

— Идёт, — коротко согласился Гето.

Когда вспомогательный куратор Ацуда наконец довёл их до дома старосты Кюина, Сатору внезапно согнулся пополам, прижав руки к животу.

— Ой-ёй, не могу... Живот прихватило, спасу нет! — запричитал он с самым несчастным видом.
— Где тут у вас уборная?

Многолетний опыт детских шалостей и прогулов не прошёл даром: сыграл Годзё блестяще. Его фальшивым корчам поверили абсолютно все, за исключением, разумеется, прекрасно знавшего эту повадку Сугуру.

Староста не успел и рта открыть, как перепуганный вспомогательный куратор Ацуда торопливо указал пальцем во двор:

— Туда, беги скорее, там за углом!

Стоило Сатору скрыться из виду, как староста — сухопарый, похожий на сморщенную обезьяну старик — ожёг прибывших колючим, неприязненным взглядом. Он люто ненавидел пришлых, но безвыходное положение заставило его переступить через гордость и обратиться к магам.

Выказав всё своё пренебрежение, он сквозь зубы процедил, глядя на Ацуду:

— Тьфу! И ради этого мы столько ждали? Притащил каких-то сопляков желторотых!

Что с таких малолеток взять, когда дело пахнет керосином?

Сугуру, решив не обострять конфликт ради того, чтобы дать Сатору время пробраться на гору, пропустил оскорбление мимо ушей. С вежливой, но холодной улыбкой он сразу перешёл к делу, плавно уводя разговор в нужное русло. О деталях исчезновения мага-дзюцуси он уже знал из отчётов, теперь же его интересовали подробности того, что происходило в деревне после этого инцидента.

— Ещё двое пропали, — нехотя буркнул староста. — Первым был...

Каким бы спесивым ни был старик, деваться ему было некуда. Он нехотя выложил всё, что знал о последующих исчезновениях. Местная полиция, разумеется, возбудила дела, но расследование быстро зашло в тупик. Лишь когда Управление магов выявило связь этих происшествий с пропажей своего сотрудника, дело переквалифицировали и передали им.

Внимательно слушая сбивчивый рассказ старосты, Гето мысленно анализировал факты и параллельно отслеживал сигналы от своих проклятых духов, прочёсывающих окрестности.

Внезапно одна из связей оборвалась.

"Одного из моих проклятых духов уничтожили?"

Лицо Сугуру на мгновение напряглось, но ни увлечённый своим ворчанием старик, ни стоящий рядом молчаливый Ацуда ничего не заметили.

Он немедленно перенаправил туда другого проклятого духа, находившегося неподалёку от места гибели первого. Последним, что успел передать погибший разведчик, был нечёткий силуэт чьих-то босых ног. Новый же соглядатай, едва добравшись до цели, выхватил из темноты наполненный чистейшей злобой взгляд.

— О, гляди-ка, Джого! Тут ещё один ползает, — раздался в сознании Сугуру чужой, до жути весёлый человеческий голос.

На картинке, передаваемой проклятием, показался Махито — синеволосый проклятый дух,

внешне очень похожий на человека, но сплошь покрытый уродливыми шрамами-швами. Он обернулся и позвал своего спутника. Вслед за ним из тени выплыло существо с вулканом вместо макушки — Джого.

Гето мгновенно похолодел. Судя по исходящему от них давлению, оба существа были проклятыми духами особого ранга.

Но какого чёрта они здесь делают? И почему сразу двое?

В ту самую секунду, когда синеволосый играючи раздавил второго разведчика, в кармане Сугуру заново зазвонил телефон. На экране высветилось имя Сатору.

Гето быстро поднёс трубку к уху. Но вместо привычного жизнерадостного трёпа из динамика раздался глухой, зловещий голос друга:

— Сугуру... Мрази в этой деревне не заслуживают жизни.

— Что? — осекся Гето.

Он собирался было выложить всё про обнаруженных проклятых духов особого ранга, но ледяной тон Сатору заставил его замолчать. Сугуру понял: случилось что-то по-настоящему жуткое.

В этот момент Сатору стоял, зависнув в воздухе благодаря Технике Безграничности, прямо над странной скрывающей завесой, натянутой на склоне горы. Он смотрел вниз, сквозь барьер.

Там, в глубоком овраге, громоздились горы разлагающихся трупов. И у многих из этих мёртвых тел были видны явные следы чудовищных хирургических или магических мутаций — они были уродливо изменены, словно подопытные животные. Более того, чуткий слух Шести глаз уловил доносящиеся снизу обрывки разговоров местных жителей. Из их циничной болтовни следовало одно: каждый взрослый мужчина в Кюине прекрасно знал, что здесь происходит. Все они были соучастниками.

Голубые глаза Сатору за стёклами очков превратились в две ледяные щели. В его душе сейчас кипели лишь холодная ярость и презрение.

<http://bllate.org/book/19395/2004800>